

Социологическое исследование политического мышления в ситуациях территориального планирования

Sociological study of policy thinking in urban planning

In the article, the issues of sociological research and sociological knowledge are analyzed that are needed for policy decision making in urban and regional planning. The issues are discussed in the light of the theory developed by Karl Mannheim in his work «Ideology and Utopia». In aspects of requirements for the results of the social sciences K. Mannheim fixed, existing sociological approach for urban research are criticized. An alternative approach to product a sociological knowledge on societal level is presented. The case study with applying of methodological tools of Mannheim's concept is presented.

58

Keywords: thinking, public policy, urban planning, sociology, society, city.

Введение

Работа К. Мангейма «Идеология и утопия» написана в соответствии с методологией, изложенной в книге: у исследователя должна быть собственная позиция в изучаемой жизненной ситуации. Мангейм — не отстраненный исследователь. Он выстраивает онтологию политики, которая должна заменить идеологию и утопию. Первые строки книги заставляют вспомнить 11-й тезис К. Маркса о Фейербахе: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» [Маркс, Энгельс, 1955, с. 4]. К. Мангейм выдвигает альтернативный тезис: от исследования философиями своего собственного философского мышления нужно переходить к исследованию мышления совершенно другого типа — к мышлению, с помощью которого «мы принимаем самые важные для нас решения, пытаемся понимать и направлять нашу социальную и политическую судьбу» [Мангейм, 1994, с. 7]. Маркс

Чернова Елена Борисовна, Российский научно-исследовательский и проектный институт урбанистики (Санкт-Петербург), руководитель лаборатории социологии градостроительства. E-mail: 4ernova@gmail.com
Elena Chernova, Russian Research and Urban Planning Institute (St. Petersburg), head of Urban planning Sociology Laboratory.

противопоставляет мышление (объяснение мира) и действие (изменение мира). Мангейм утверждает обратное: именно мышление изменяет мир, но не философское, а политическое. Изменение мира начинается с объяснения мира. *«Нужно исследовать мышление не в том виде, как оно представлено в учебниках логики, а как оно действительно функционирует в качестве орудия коллективного действия в общественной жизни и в политике»*¹ [Там же, с. 6]. Политику Мангейм трактует расширительно, выстраивая оппозицию управление/политика. Управление — это область, где мы можем парадигматически постигнуть повседневную государственную жизнь. Где «решение по каждому данному случаю принимается в соответствии с заранее установленными предписаниями, речь идет не о политике, а о той области общественной жизни, где явления выступают в своем застывшем, сформированном виде... Политическая же деятельность, напротив, занимается государством и обществом постольку, поскольку они еще находятся в процессе становления» [Там же, с.97]. Таким образом, политическими являются все ситуации принятия решений в общественной и государственной сфере, для которых нет готовых предписаний, шаблонов, прототипов. В этой же трактовке термин «политика» и его производные используется в данной статье.

59

Это различие управления и политики не потеряло и сегодня своей актуальности. Текущая ситуация в России характеризуется множественными попытками разработать долгосрочные на 20–30 лет планы стратегического и территориального развития. Они по своей функции и являются мыслительными инструментами политики, а не рутинного управленческого функционирования. Однако технология подготовки планов и стратегий не включает исследования политического мышления. Ни в одной стратегии или концепции развития не содержится постановки проблемы развития политического мышления, которое будет обеспечивать становление нового.

Необходимость перехода к новому мышлению была провозглашена еще в эпоху Перестройки. Однако, чтобы осуществить этот переход, необходимо само новое мышление, прежде всего новые объективные представления и онтологические картины, которые должны быть специально сконструированы и имплантированы в практику принятия политических решений. Но все проекты и стратегии развития видят проблематику исключительно во внешнем плане преобразования физического пространства, изменения экономической ситуации. Проблема развития самого политического мышления, его оснащения новыми

1 Здесь и далее курсив в сносках автора статьи.

объективными и онтологическими представлениями в проектах и стратегиях не ставится.

Недавно утвержденный Закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [2014, с.2] указывает, что стратегический план должен содержать «систему научно обоснованных представлений о направлениях и об ожидаемых результатах социально-экономического развития». Но о каких науках идет речь, не уточняется. По Мангейму, науки, которые исследуют уже устоявшиеся области знания, не могут решить задачу стратегического долгосрочного планирования, так как имеют своим объектом прошлое, а не будущее. Они могут только оснастить знанием повседневную деятельность управления, связанную с принятием рутинных решений. Мангейм ставит проблему: возможна ли политика как наука? Возможно ли «знание текущего, становящегося, знание творческого акта», которое будет претендовать на истинность? По Мангейму, это не только возможно, но необходимо: «Политическая наука изучает творческие силы данного момента, чтобы из этого потока движущихся сил создать нечто устойчивое» [Мангейм, 1994, с. 95–99]. Он раскрывает методологию производства «истины для данного момента», для ситуации принятия политических решений.

60

Мы попытались дать свою версию нового мышления и построить знание «становящегося творческого акта» для одного класса современных ситуаций — ситуаций принятия политических решений, связанных с долгосрочным территориальным планированием.

1. Мышление и политика в теории К. Мангейма

1.1. *Различение мыслящего субъекта и социального индивида*

Для фиксации функции мышления К. Мангейм вводит различие мыслящего субъекта и социального индивида. «Строго говоря, утверждать, что индивид мыслит, вообще неверно. Значительно вернее было бы считать, что он лишь участвует в некоем процессе мышления, возникшем задолго до него... Он находит сложившуюся ситуацию, и обнаруживает в ней уже сформированные модели мышления и поведения». И далее: «Индивид (...) говорит языком своей группы, мыслит в формах мышления своей группы. В его распоряжении оказываются лишь определенные слова и их значения. Они не только в большой степени определяют его подход к окружающему миру, но одновременно показывают, под каким углом зрения и в какой сфере деятельности предметы доступны восприятию

и использованию их группой или индивидом» [Там же, с. 6]. Социальный индивид К. Мангейма обладает не столько мышлением, сколько поведением — речевым и мыслительным. Мышление заменяется определенным, заданным социальной группой, репертуаром умозаключений по прототипам. Само по себе это не является проблемой. Более того, Мангейм указывает, что для множества ситуаций мышление не требуется, оно избыточно. Проблемой является то, что в ситуациях, где необходимо мышление, его вытесняет функционирование социального индивида. Мышление необходимо в ситуациях, не регламентированных предписаниями. Функцию мышления осуществляет мыслящий субъект. В «Идеологии и утопии» Мангейм выстраивает конструкцию мыслящего субъекта, которому свойственно, в частности, социологически ясное сознание и своя позиция в ситуации.

1.2. Различение рационализированной структуры и иррациональной среды. Различение политики и управления

Политика — это область, которая должна базироваться на мышлении. Область политики Мангейм определяет через различение рационализированной структуры и иррациональной среды. «Каждый общественный процесс делится на застывшие компоненты, „рационализированные“ сферы, и на „иррациональную среду“, которая их окружает» [Там же, с. 98].

61

Мышление не требуется в границах рационализированной структуры, так как там в распоряжении социального индивида уже имеется готовый язык и предуготовленное восприятие предметов. В этих границах осуществляется деятельность управления. Политическими являются все ситуации принятия решений в общественной и государственной сфере, для которых нет готовых предписаний. Необходимость в мышлении возникает в иррациональной среде, так как в ней отсутствуют готовые языки, значения и модели. Функция мышления и состоит в том, чтобы действовать в иррациональной среде и осуществлять ее рационализацию.

1.3. Различение идеологии, утопии и политики

Проблемы общественного развития возникают потому, что «наиболее важные области нашей общественной жизни еще по сей день покоятся на иррациональной основе» [Там же, с. 99]. Решить эти проблемы можно, расширяя зону рациональности и создавая рациональные основания коллективного действия в различных облас-

тях общественной жизни. В этом и заключается функция политики и общественных наук. Поэтому Мангейм выдвигает требование «подлинности» по отношению к этим видам деятельности. Подлинные — значит, выполняющие указанные функции. Подлинная деятельность «начинается только там, где еще нет рационализации, где мы вынуждены принимать решения в ситуации, *не регулируемой предписаниями*» [Там же, с. 99]. Рационализация воплощается в новых смыслах, значениях, моделях мышления. Политика — принятие решений о том, куда «направить социальную и политическую судьбу общества», которые должны сопровождаться производством новых моделей мышления, новых онтологических картин, ведь именно они являются инструментами рационализации. Политик, по Мангейму, — это не функционер в структуре власти, он носитель особого качества мышления, которое «адекватно бытию» [Там же, с.166] И подлинная общественная наука — это тоже принятие решения в ситуации, не регулируемой предписаниями. Научная деятельность осуществляется в области мышления и состоит в производстве новых онтологических представлений для рационализации. Деятельность мышления осуществляется не на физическом плане, а на уровне захвата мышлением иррациональной среды, что приводит к увеличению рационализированной области. Это и есть, по Мангейму, главный процесс, который осуществляет человечество в своем развитии и который сопровождается развитием самого мышления.

Там, где нет «подлинной деятельности» мышления, ее замещает идеология или утопия: две группы трансцендентных и не адекватных бытию представлений. В обоих случаях результат один — отсутствие развития. В ситуациях господства идеологии начинается застой: «...коллективное бессознательное определенных групп скрывает действительное состояние общества как от себя, так и от других и тем самым стабилизирует его» [Там же, с. 39]. Утопическое мышление оказывает противоположный, разрушительный, эффект: «переходя в действие, [оно] частично или полностью *взрывает* существующий в данный момент порядок вещей» [Там же, с. 164].

Таким образом, у Мангейма понятия «идеология» и «утопия» имеют смысл, противоположный расхожим представлениям: «Идеологиями мы называем те трансцендентные бытию представления, которые *de facto никогда не достигают* реализации своего содержания... Утопии также трансцендентны бытию, но ...своим противодействием им *удается преобразовать* существующую историческую действительность, приблизив ее к своим представлениям». Идеология не реализуется, но не дает развиваться бытию, а утопия — это то, что может быть реализовано, но приведет к уничтожению существующей «структуры бытия» [Там же, с. 164–166].

Функция политического мышления состоит в том, чтобы противопоставить ведущим к стагнации или взрывающим бытие представлениям такие представления, которые обеспечивают общественное развитие. Это представления, которые адекватны бытию. Функция общественных наук состоит в том, чтобы обеспечить производство адекватных представлений для ситуаций политики. Мангейм настаивает на том, что все ситуации политики должны быть оснащены адекватными бытию представлениями.

2. Общественные науки: как обеспечить подлинность?

2.1. Две направленности познания: производство «истины как таковой» и производство «истины для ситуации»

Мангейм полагает, что адекватные бытию представления встречаются относительно редко, ими оперирует «лишь вполне ясное в социологическом смысле сознание» [Там же, с. 165]. Поэтому адекватные бытию представления нужно производить специально — в этом и заключается задача общественных наук. «В наши дни от *правильной оценки и осмысления ситуации* зависит значительно больше, чем в прошлые времена. Значение социального знания увеличивается пропорционально необходимости вмешательства в социальный процесс и его регулирования» [Там же, с. 7]. Очерчивая контуры подлинной общественной науки, Мангейм различает два типа знания. Первый тип — знание «о той части общественной жизни, где все, в том числе и сама жизнь, рационализировано и организовано» [Там же, с. 99]. Второй тип знания — знание о том, что находится за границей рационализированной структуры. Это знание, которое обеспечивает правильность оценки и осмысления ситуации, Мангейм называет «проникновением в жизнь».

Мангейм анализирует две направленности познания, которые и приводят к двум типам знания. Первая: «вторжение из мира действительности (осуществление акта познания) в сферу «истины как таковой». Вторая конструкция познания предлагает «исходить только из данных единственного известного нам реально посюстороннего мышления (независимо от идеальной сферы) и принимать феномен знания как *actus*, совершаемый живым существом. ...Социология знания ...видит в акте познания... не проникновение в сферу „вечных истин“, возникающее из чисто теоретической созерцательной потребности, а орудие проникновения в жизнь, которым располагает определенное живое существо в определенной жизненной сфере. Все эти три фактора — структура проникновения в жизнь, собственная конституция живого существа

и своеобразие жизненной сферы, особенно место и позиция *мыслящего субъекта* в этой жизненной сфере, обуславливают результат мышления, а также и конструированный на основе этого результата мышления *„идеал истины“* данного живого существа» [Там же, с. 248–249].

Таким образом, истинной может быть не только «вечная истина» теоретического объекта. Истинным является, по Мангейму, и знание, которое мыслящий субъект вырабатывает в своей жизненной ситуации в том случае, если он конструирует «идеал истины», с помощью которой производит рационализацию: правильную оценку и осмысление ситуации. Таким образом, «текучесть» бытия может быть адекватно и устойчиво зафиксирована только в том случае, если объектом научного исследования станет ситуация. Это радикальный тезис Мангейма — до него наука прочно ассоциировалась с производством внеситуативных «вечных» знаний.

2.2. Монополия на картину мира и конкуренция интерпретаций мира

64

Идеология претендует на монопольную картину мира и вечную истину, безотносительную к ситуации. Мышление — на множественные конкурирующие интерпретации картин мира, которые являются результатом позиционирования и действия в разных ситуациях. По Мангейму, возможность мыслящего субъекта конструировать позиционный идеал истины для той жизненной сферы, в которой он действует, возможность позиционных и ситуативных, но при этом обладающих статусом истины онтологических картин — это исторический и социальный феномен: «Фундаментальная переоценка мышления в новое время стала возможной только после устранения интеллектуальной монополии духовенства. Почти единодушно принятое, искусственно сохраняемое представление о мире рухнуло в тот самый момент, когда была уничтожена социальная монополия его создателей» [Там же, с. 16]. Однако попытки восстановить социальную монополию на истину не прекращаются, но теперь их осуществляют разные социальные группы. «В каждом обществе есть социальные группы, главная задача которых заключается в том, чтобы создавать для данного общества интерпретацию мира. Мы называем эти группы „интеллигенцией“. Чем статичнее общество, тем более вероятно, что этот слой обретет в нем определенный статус, превратится в касту [Там же, с. 14]. Как только этот слой получает монополию на истину, у него меняется задача. Вместо поиска истины задачей становится «придать догматически связывающую силу тем способам мышления, которые прежде были

значимы только для определенной секты, и тем самым санкционировать *онтологию и гносеологию, имплицитно содержащиеся в этих формах мышления*» [Там же, с.14].

«Подлинные деятельности» — политика и общественные науки — должны быть свободны от санкционированной онтологии, потому что их функция состоит в том, чтобы конструировать новые картины мира для постоянно усложняющихся ситуаций управления общественной сферой. Действуя в области иррационального, политик или исследователь сначала должны положить онтологическую картину — ситуационный «идеал истины», а потом действовать в опоре на него для производства правильных оценок и осмысления ситуации. Если политик или исследователь пользуется готовыми теоретическими конструкциями (санкционированной онтологией), которые не имеют отношения к его позиции в определенной жизненной сфере, то не будет ни подлинной деятельности, ни производства проникающего в жизнь знания. В сфере политики и общественных наук процедура подведения отдельного явления под общий закон не производит знания о ситуации. Знание о ситуации из области общественной жизни, которая покоится на иррациональной основе, можно получить только в том случае, если рационализировать саму эту основу.

65

На наш взгляд, принципы политической науки, разработанные Мангеймом, необходимо отнести к социологии, объектом которой является общество. В функции социологии должно входить производство знаний об обществе, связанных с процессами становления.

2.3. Проблемы производства социологического знания, проникающего в жизнь

Социологическую оптику, т.е. профессиональный, но оестественный «орган» видения, можно трактовать, по Мангейму, как пребывание внутри рационализированной структуры, санкционированной онтологии и гносеологии. Социолог находит готовый, структурированный, обозначенный мир, в котором оптика легко различает вещи и предметы. «За какой бы объект сегодня ни брались исследователи ... — в нем легко будут различены дискретные сообщества с собственной логикой организации, паттернами коммуникации, нормами и практиками, верованиями и правилами игры» [Вахштайн, 2013а, с. 6]. Однако сквозь призму понятия подлинной деятельности «легкость» объясняется только тем, что исследователь остается в границах рационализированной структуры, внутри которой видит то, что уже знает. Исследователь, осуществляющий подлинную деятельность производства знания, не оснащен

никакой оптикой, так как в зоне иррационального ничего нельзя увидеть. «Там, где, собственно говоря, начинается область политики и где вообще возможна деятельность в соответствии с ее подлинной природой, мы можем приступить к определению специфических трудностей, характеризующих отношения между теорией и практикой. Серьезные трудности, с которыми сталкивается здесь знание, состоят в том, что его объектами являются *не застывшие в определенном образе данности, а текущие, находящиеся в процессе становления тенденции*» [Мангейм, 1994, с. 100]. Иными словами, в зоне иррационального нет готовых форм, паттернов, которые наличествуют в уже рационализированной структуре. Поэтому мышление сначала должно сконструировать идеал истины — онтологию, с помощью которой исследователь начнет видеть.

66 Констатация «текучести» объектов общественных наук означает то, что «общество», «человек», «город», «территория» и другие социальные объекты принципиально неопределяемы. Чтобы сделать их объектами социологического исследования — социологическими объектами, — нужно для каждой исследовательской ситуации строить понятия, которые их будут схватывать. Если этого не происходит, то понятия перестают выполнять функцию схватывания. Вот как это описывают сами социологи: «В оптическом аппарате любой дисциплины бытуют понятия, которые не являются понятиями в полном смысле слова. То есть, они ничего не обозначают и ни на что не указывают. Если задача привычных операциональных концептов состоит в том, чтобы схватить (*grasp*) некоторый аспект изучаемого мира, то у интересующих нас понятий такой функции нет, вернее, она могла быть у них в прошлом, но затем по каким-то причинам была утрачена» [Вахштайн, 2013б, с. 9]. Одно из понятий с «утраченной функцией» — базовое для социологии понятие «сообщество», которое, по мнению автора цитируемого фрагмента, «быстро превратилось из операционального концепта в инструмент социологического кодирования мира». Но с точки зрения Мангейма, причина утраты понятием своей функции — в «текучести» самого объекта.

Если понятие «застывает», то в нем стабилизируется только один аспект вещей, значимый для данной социальной группы. Но этот застывший аспект «маскирует *беспрерывный процесс текучести, лежащий в основе всего существующего*. Это осмысление исключает всякую другую конфигурацию и организацию данных, которые указывали бы на путь в ином направлении. Каждое понятие представляет собой своего рода табу по отношению ко всем остальным источникам смысловых значений, упрощая и унифицируя во имя деятельности многообразие жизни» [Мангейм, 1994, с. 24]. Понятие, превратившееся в «инструмент

социологического кодирования мира», означает, что социологи превратились в профессиональную касту и перестали выполнять функции производства знания, которое востребовано политикой в мангеймовском смысле. При этом социологи анализируют тот факт, что они перестали производить востребованное знание не как проблему, а как сущность профессии: «Относительно пониженный интерес к трудам социологов во многом связан с тем, что мы работаем преимущественно в дескриптивном и ретроспективном ключе, т. е. в основном описываем и анализируем ранее свершившееся, а не предсказываем то, что случится завтра и послезавтра. Социологи любят типологизировать и не любят предсказывать. У этого есть объективные основания. Социолог изучает социальные структуры, а последние — это устойчивые связи, воспроизводимые в течение определенного, относительно длительного времени. Поэтому основные социологические инструменты, даже если исследуется настоящее, ориентированы на прошлое. Это ни плохо, ни хорошо, такова специфика дисциплины. Хуже другое: специалисты-практики, в каких бы сферах они не работали, как раз прошлым интересуются в наименьшей мере» [Радаев, 2013, с. 12]. Мангейм утверждает совершенно противоположное: науки об обществе должны изучать область становления, тенденций. Функция общественной науки — увидеть тенденцию и предложить структурное видение, которое позволит рационализировать иррациональную область. Практикам не требуется предсказание, им требуется осмысление в точном значении этого слова: освоение мыслью иррациональной, неструктурированной области. Поэтому в отличие от социологической оптики подлинное социологическое мышление *всегда* работает с будущим — со сдвижкой рационализации, тем самым задавая тенденции. Разумеется, к предсказанию это не имеет никакого отношения. Это осмысление мира, с которого начинается его изменение.

67

2.4. Проблемы социологического исследования: проблема полноты описания и проблема объекта

Такие социальные объекты, как город, регион, представляют собой неисчерпаемый эмпирический материал для исследований. «О городе может быть сказано все, что угодно — объект не даст сдачи. С другой стороны, поскольку ни одно описание не может претендовать на полноту, любое исследование становится просто еще-одним-из — *конкуренции языков описания не возникает*» [Вахштайн, 2014а, с. 7].

Знания, полученные в результате исследований многообразных городских явлений, не дают в сумме знания о городе как об объективной целостности, не позволяют построить объект

«город». Признание этого факта мы также находим у социологов: «Если мы за всю историю нашей дисциплины так и не смогли собрать город из людей и зданий, ресурсов и инфраструктуры, практик и функций, почему мы решили, что сможем собрать его из метафор и образов?» [Вахштайн, 2014б, с. 20].

Конкуренция языков описания не возникает в том случае, если описание не является онтологическим, если оно «не адекватно бытию». Конкуренцию порождают альтернативные интерпретации картины мира, а не языки описания. Проблема построения объекта «город» — не в онтологической сложности самого объекта, не в «нашей неспособности втиснуть город в прокрустово ложе одного конкретного языка», не в «конститутивной особенности города как такового» [Вахштайн, 2014а, с. 6]. Проблема в предположении, что объект «город» существует «как таковой», и в попытках собрать этот объект «вторжением из мира действительности в сферу «истины как таковой» [Мангейм, 1994, с. 248]. По Мангейму, эти попытки не увенчаются результатом. Сборка объекта, удовлетворяющая требованию полноты описания, будет возможна только тогда, когда и объект, и исследователь помещены в определенную жизненную ситуацию, причем исследователь занимает позицию в этой ситуации. Это позволяет перейти от *эмпирического* исследования отдельных многообразных феноменов социального объекта к *социологическому* исследованию социального объекта. Ситуативные истины локализованы в границах конкретной ситуации. Истинные для одной общественной ситуации социологические понятия и социологические объекты «общество», «город», «человек» перестанут быть таковыми, когда ситуация изменится. Но эти истины в данной фазе течения общественных процессов схватывают общественную жизнь во всей ее объективной полноте и сложности и обеспечивают правильную оценку и осмысление ситуации. Сконструировать идеал истины — онтологические картины и понятия, которые позволяют «схватить» текущие социальные объекты, можно только при условии, что социолог имеет позицию в ситуации. Да, в результате получаются ситуативные истины. Но политику вечные, теоретические, внеситуативные истины и не нужны. Ему нужна ситуативная истина для принятия правильного решения в сложившейся ситуации. Необходимо «социологически ясное сознание», которое вместо идеологической или утопической альтернативы обеспечит принятие решения на основании адекватного бытию знания. Таким образом, социолог должен не только исследовать социум в его ставших формах. Он должен производить знание, которое будет участвовать в изменении мира, т. е. использоваться лицами, принимающими политические решения.

2.5. Как социологу обрести позицию?

В рамках данного рассуждения нас интересует только один класс ситуаций: принятие политических решений. Как социологу обрести позицию, которая, по Мангейму, обеспечит производство знаний для политической ситуации? Наш ответ на этот вопрос состоит в том, что социолог должен занять позицию политика и осуществлять политическое мышление. Понять это неожиданное утверждение можно, если представить позицию политика как кооперативную позицию, которая объединяет в себе «повседневную государственную жизнь», «управление» и, собственно, «политику». Управление институционализировано, нормировано и принадлежит «должности»: индивиду или управленческой команде, которые обеспечивают текущее функционирование системы управления. При этом существуют ситуации принятия политических решений, в которых мышление должно осуществить рационализацию. Это не задача функционирования, это, по Мангейму, задача мышления, которое осуществляется в кооперации политики и общественной науки. Социолог обретает позицию, когда в ситуации политики он будет осуществлять необходимую рационализацию, которая станет онтологическим основанием для принятия политического решения.

69

Озвученный тезис противоречит общепринятым представлениям, каким должно быть социологическое исследование. Социолог может изучать особенности принятия управленческих решений, социальную группу управленцев и социологическую специфику их мышления, реакцию социума на эти решения и т. д. По результатам исследования социолог может выдать управленцу рекомендации по корректировке решений, которые получены на основании исследования реакций социума. Но осуществлять мышление за управленца? Осуществлять мышление, чтобы создать условия для реализации ситуаций политики, вместо идеологических или утопических реакций? Да, это противоречит «повседневной социологической жизни», но, на наш взгляд, это именно то, на чем настаивает Мангейм.

Что же должен исследовать социолог в ситуациях политики? Он должен исследовать социологические аспекты ситуации, чтобы создать социологическое знание — рациональные социологические основания принятия решения. Это не теоретическое знание о том, *что есть* объект политики. Это онтологическое утверждение о том, *как следует мыслить* объект политики в конкретной ситуации принятия решений. Занятие социологом позиции в ситуации означает, что объект может «дать сдачи».

3. Кейс: исследование структуры территориального социума для принятия политических решений в ситуации долгосрочного планирования

3.1. Проблема определения структуры социума

Проблема структурирования социума при проведении городских или территориальных социологических исследований релевантна только для долгосрочного территориального планирования. При проведении городских эмпирических исследований такой проблемы нет. Структура социума уже дана исследователю на материале эмпирически представленных городских социальных групп. Социолог легко обнаруживает неоднородность социума в имущественных, профессиональных, этнических и прочих различиях жителей данной территории.

Однако в территориальном планировании невозможно ориентироваться лишь на классовые различия между бедными и богатыми, на этнический принцип структурирования социума, хотя это современная территориальная реальность. Процессы структурирования городской среды в соответствии со структурой доходов или по этническому принципу и так идут, как правило, вопреки утвержденным плановым документам. Задача долгосрочного территориального планирования состоит в том, чтобы противостоять этим естественным тенденциям и не опираться на знание о сиюминутных интересах конкретных социальных групп. Принятие решений должно базироваться на представлении о социуме, как о некоем целом и на выводимой из этого представления версии общественного блага.

Для целей социалистического планирования использовали *однородную* статистическую конструкцию «население» с поправкой на значимую в то время профессионально-сословную стратификацию. Она была востребована в социалистическом градостроительном планировании, когда перед проектировщиками ставилась задача проектирования моногородов или городских районов для нефтяников, угольщиков, ученых, атомщиков, химиков. Но сегодня городское планирование по ведомственному признаку не актуально. Функция территориального планирования, на наш взгляд, состоит в том, чтобы учесть в принятии решений долгосрочный интерес социума как целого и ограничить реализацию частных интересов интересами этого целого.

В социологии сегодня выделяется социетальный, институциональный, менеджериальный и технический уровни управления [Тихонов, 2010, с. 209]. Все структурные представления социума, которые можно увидеть эмпирически, включая

перечисленные выше, относятся к уровням ниже социетального, тогда как проблема обоснования политических решений как научная проблема возникает только на социетальном уровне. Это уровень социальных структур и социальных процессов, который невозможно схватить эмпирически. Именно здесь возникает проблематика общего блага, интересов всего социума как проблема принятия политического решения. Именно социетальный уровень политики должен быть обеспечен социологическим знанием. Сегодня эта проблема при подготовке долгосрочных документов территориального развития не решается. Представление о сложной, структурно неоднородной целостности не вырабатывается. Уровень социетального описания социума продолжает замещаться представлением об однородном социуме — социалистической конструкцией населения, которая была истинной для советской эпохи, т. к. была сконструирована для решения задач централизованного нормированного распределения ограниченного набора благ. Аналогом социалистических поправок с учетом профессионально-сословной стратификации сегодня выступают проекты «креативных» и «умных» городов, которые будут привлекать «постиндустриальный человеческий капитал».

71

Однако социум не однороден. Поэтому все политические решения должны вырабатываться с учетом представлений о неоднородности социума, иначе решение, стабилизирующее основы бытия одной социальной группы (идеологически правильное), будет подрывать основы бытия другой группы, т. е. работать утопически. Структурное представление социума позволяет работать с ним как с целостностью, одновременно учитывая его неоднородность. Пока такие структурные представления не выработаны, долгосрочные планы представляют собой идеологии и утопии.

Выработка структурных представлений социетального уровня является признанной проблемой социологии: «Известно, что любое общество стратифицировано. Но как наше — непонятно... В современных социальных науках отсутствует алгоритм, позволяющий упорядочить различия и сходства между людьми» [Кордонский, 2008, с. 37].

Конструкция «население» — это следствие онтологического полагания однородности социума, которая работала на определенном этапе и соответствовала идеалу истины в конкретной исторической ситуации принятия градостроительных решений. Для этой же ситуации были релевантны инструменты социалистической статистики, с помощью которой создавали номинальные статистические группы получателей дифференцированных благ и услуг. Для ситуации централизованного распределения структурные представления социетального уровня, в которых

реальные социальные группы подменены номинальными статистическими или возрастными группами (пенсионеры, рабочие, женщины фертильного возраста, дети и пр.) были истинны. Но сегодня попытки «выйти» на социальный уровень описания социальной структуры с помощью статистики не эффективен, так как с помощью метода, базирующегося на онтологии однородного социума, невозможно вывести представления о структуре социума. «В современной социологии функциональное место систематики занимают статистическая обработка результатов исследований. Статус „существования“ приписывается результатам статистической обработки первичной информации. Доказанное статистически существование служит основой для математического моделирования отношений существующего. Статистические группы (факторы, кластеры и проч.) повисают в предметном пространстве, заполненном спекулятивными сущностями. В результате — содержательно пустое, но многозначительное единство математических и философских спекуляций» [Там же, с. 38]. Таким образом, нужно сменить онтологию, а не использовать методы социальной статистики для построения онтологических представлений.

72

3.2. Гипотезы исследования

Первая гипотеза исследования состояла в том, что в соответствии с концепцией Мангейма социальные группы на онтологическом плане рассмотрения конституируются картиной мира. Соответственно территориальный социум структурируется в соответствии с интерпретациями картины мира, которые актуальны для данной территории. Эти интерпретации являются групповым «коллективным бессознательным» и одновременно «орудием коллективного действия» по изменению мира (в масштабе города, территории). Задача социологического исследования состояла в том, чтобы выявить эти картины мира в аспекте ситуации территориального планирования.

Картина мира для ситуации территориального долгосрочного планирования не была актуализирована в сознании большинства респондентов, не исключая и профессионалов-планировщиков. Поэтому в процессе сбора данных, инструментом которого было нестандартизированное интервью, требовалось организовать рефлексию респондентов: они должны были не только рассуждать о настоящем и будущем, но и фиксировать основания своих рассуждений.

Вторая гипотеза позволяла задать рамки отбора исследуемых эмпирических явлений и фактов. Гипотеза состояла в том, что

следствием реализации той или иной картины мира обязательно является конфликт. Во-первых, эти картины мира представляют собой конкурирующие интерпретации. Если картины мира не конкурируют, это означает, что на уровне онтологического описания нельзя говорить о принадлежности к разным социальным группам. Во-вторых, интерпретация одной социальной группы является утопией для другой, т.е. взрывает основы бытия этой социальной группы. Поэтому каждая территориальная социальная группа в своей интерпретации картины мира консолидируется вокруг смысловых значений, соответствующих ее собственному пониманию мира и конкурирует за доминирование своего смысла.

Структурирование территориального социума по отношению к выявленным интерпретациям территориальных картин мира, которые являются орудиями коллективного действия, позволяет построить действительную политическую структуру данного социума. Социум политически структурирован не по принадлежности или симпатии к той или иной политической партии. Он политически структурирован по отношению к интерпретациям мира. Такое описание структуры территориального социума формирует политическую действительность и плацдарм принятия политических решений в мангеймовском понимании политики.

73

Функция социолога — рационализация этой структуры: описание, приписывание значений, которые позволят всем участникам ситуации ясно увидеть эту структуру. Описание, претендующее на онтологичность, является таковым в том случае, если оно становится объяснительным принципом для любого явления в рамках ситуации. Каждое явление приобретает значение в соответствии с онтологической картиной. Любой феномен, любой эмпирический факт, элемент реальности попадает в свою ячейку, топ, класс или идеальный тип. С помощью онтологического описания решается проблема полноты и целостности описания, так как онтологическая картина ситуации позволяет всем явлениям приписать соответствующие значения. Иными словами, любое явление *понимается* посредством онтологической картины.

3.3. Результаты исследования

Социологическое исследование проводилось в рамках разработки проекта документа территориального развития одной из областей РФ. Материал исследования получен в процессе нестандартизированных интервью с разнообразными респондентами, которые прямо или косвенно имели отношение к подготовке плана (представители системы управления, бизнеса, жителей, различных

видов деятельности, связанных с территорией и планированием). В результате анализа текстов интервью сложились три конкурентные и конфликтующие интерпретации картины мира. Каждой интерпретации была приписана соответствующая территориальная социальная группа. В рамках данного исследования они были обозначены как социальные группы выживания/адаптации, воспроизводства и развития.

Социальная группа выживания ставила целью адаптацию организованностей индустриального этапа развития территории (ВПК, производственные коллективы индустриальных предприятий промышленности и сельского хозяйства). Институционально представители этой группы принадлежали к административным структурам и индустриальному комплексу. Текущую ситуацию представители группы выживания квалифицировали как «кризис, развал». Желаемое будущее — это прошлое. Развитие понималось как возврат к индустриальной мощи. Стратегия действий оформлялась в терминах рывка, прорыва. Характерно, что слоган молодежи региона был «Вырваться!». Практически все программные выступления представителей власти, относящиеся к этой позиции, которые оформлялись в документы «концепций» или «стратегий», содержали обещание «рывка», «скачка» или «прорыва». Проблемы, по оценке этой группы, связаны с различного рода дефицитами: кадров, денег, власти и проч. Соответственно решение проблем связано с преодолением этих дефицитов. В сфере образования представители группы продуцировали программы подготовки или привлечения кадров. В группе имелся свой тип элиты, слитой с административной властью и занятой утилизацией советского наследства, а также свой тип народа: патерналистски настроенного населения, требующего соцзащиты и прочих благ-рудиментов социалистической системы централизованного распределения. Таким образом, в эту группу, характеризующуюся общим типом ментального поведения, попали представители разных профессий и уровней доходов — от самых богатых до самых нищих жителей территории.

Вторая группа — группа воспроизводства. В данном случае термин воспроизводство употребляется в предельно широком смысле: начиная от воспроизводства популяции и заканчивая воспроизводством деятельности и культуры. Институционально группа формируется культурой и традицией, самоорганизацией и самоуправлением. Желаемое будущее обеспечивает реализацию целей воспроизводства. Стратегия действий выражается убеждением: «Нужно делать свое дело, несмотря ни на что». В то, что нужно делать, «несмотря ни на что», попадает очень широкий репертуар целей: от того, что нужно сеять хлеб,

до того, что нужно сеять разумное, доброе, вечное. Таким образом, в эту социальную группу также вошли представители разных профессионально-социальных групп и имущественных групп: от крестьян-фермеров, функционирующих в рамках неформальной экономики, до подвижников в сфере культуры, науки, деятельности, бизнеса. Представители этой группы вырабатывали свои региональные стратегии, от экономических, связанных с уходом от налогов или функционирования в секторах неформальной экономики, до нравственной позиции отстаивания культурных ценностей данной территории (градозащитники, экологи). Образовательные и культурные программы этой группы связаны с целью «возрождения», «восстановления связи времен». Развитие понимается как создание условий для воспроизводства «человеческого». Тип элиты — культурная элита, не входящая в официоз, нравственные авторитеты или «люди, на которых земля держится» — успешные предприниматели, которые осуществляли подвижнические проекты в целях того же «возрождения», в большинстве своем представители малого или среднего бизнеса. Если представители группы выживания видели источник благосостояния в близости к административной власти (источник прибыли — административная рента), то у группы воспроизводства по отношению к административной власти было только одно требование — «не мешайте». В рамках этой группы консолидируется свой народ, самоуправляемый и самоорганизованный.

75

Третья группа — группа развития. Представители группы развития не имеют готовых целей. Их главная функция по отношению к территории — это поиск, постановка новых целей. Развитие — это увеличение набора целей, которые можно ставить по отношению к территории. Позиция развития оказалась не закрепленной на уже существующих организованностях или институциональных структурах. В нашем случае субъект развития представлял сложное единство по типу клубной сети, в которую входили совершенно разнообразные люди, не имеющие никаких общих характеристик, кроме общности позиционного мышления (банкир, предприниматель, управленец, руководитель независимых СМИ, политик, не инкорпорированный во властные структуры, эксперт, студент и т. д., и т. п.).

Стратегия позиции: поступательное, *step by step*, формирование ресурсов для сдвижки, продвижения, шага развития. Группа развития продуцировала свои образовательные программы, которые заявлялись как «школы управления», «школы лидерства». Эта группа также имеет свою элиту — контрэлиту, которая представлена яркими представителями оппозиции действующей

власти, деятелями контркультуры, крупным и средним, но не ангажированным властью бизнесом.

Каждая позиция конструирует свое, взаимоисключающее будущее, и в ситуации борьбы и конкуренции за будущее вырабатывает свою стратегию. За каждой стоит свой народ. Однако административная власть, осуществляя управление, в силу принадлежности к социальной группе выживания принимает решения, которые поддерживают только народ ее же социальной группы. По отношению к группе выживания все долгосрочные стратегии и концепции представляли собой идеологические тексты. Но в попытках их реализации по отношению к другим группам власть продуцировала утопию в мангеймовском смысле этого слова: принимала решения, которые «взрывают бытие» этих групп. С учетом того что продуктивной деятельностью заняты группы воспроизводства и развития, это означает, что утопические решения администрации уничтожают ресурсы общественного бытия на территории.

76

В результате исследования у областной администрации впервые появилась рационализированная действительность политики. Полученная онтологическая картина структуры территориального социума позволила смоделировать социальные последствия тех или иных проектных решений. Появилась возможность дать *политическую* оценку не только амбициозным, но также небольшим, локальным территориальным градостроительным проектам. Можно утверждать, что данная рационализация является условием территориальной градостроительной политики в мангеймовском смысле. На наш взгляд, в отсутствие такой рационализации политика невозможна. Любое управленческое решение в области долгосрочного территориального планирования будет или идеологичным, или утопичным.

Заключение

«Идеология и утопия» Карла Мангейма содержит методологию, которая, на наш взгляд, должна быть задействована социологией. Предложенный подход можно рассматривать как ресурс развития социологии, т. е. построения практической исследовательской позиции в различных сферах деятельности, в которых помимо функционирования необходимо иметь дело с ситуациями политики и решения социальных проблем. Предложенный подход позволяет гуманизировать инструментарий социальной статистики. Данные социальной статистики перестают быть «средней температурой по больнице», когда они привязываются к структурным представлениям о социуме социетального уровня.

Библиография

- Вахштайн В.С. (2013а) Предисловие главного редактора. *Социология власти*, (3): 5–7.
- Вахштайн В.С. (2013б) К концептуализации сообщества: еще раз о резидентности, или работа над ошибками. *Социология власти*, (3): 8–26.
- Вахштайн В.С. (2014а) От мегаполиса к гетерополису. *Социология власти*, (2): 5–8.
- Вахштайн В.С. (2014б) Пересборка города: между языком и пространством. *Социология власти*, (2): 9–37.
- Кордонский С. (2008) Сословная структура постсоветской России. *Мир России*, (3): 37–40.
- Маркс К., Энгельс Ф. (1955) Сочинения. Т. 3, М.: Политиздат.
- Мангейм К. (1994) *Идеология и утопия. Диагноз нашего времени*. М.: 7–276.
- Федеральный закон Российской Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». URL (<http://www.rg.ru/2014/07/03/strategia-dok.html>)
- Радаев В.В. (2013) Российская социология в поисках своей идентичности. *Социологические исследования*, (7): 3–17.
- Тихонов А.В. (2010) Отечественная социология: проблема выхода из состояния преднауки и поиска новых стратегий. *Вестник Института социологии*, (1): с. 204–229.

References

- Vakhshstayn V.S. (2013a) Predislovie glavnogo redaktora [Chief Editor's Foreword]. *Soziologiya vlasti*, [Sociology of power] (3): 5–7.
- Vakhshstayn V.S. (2013b) K konzeptualisazii soobshchestva: escho raz o rezidentnosti ili rabota nad oshibkami. [By conceptualizing community: again about the residence or work on the bugs]. *Soziologiya vlasti*, [Sociology of power] (3): 8–26.
- Vakhshstayn V.S. (2014a) Ot megapolisa k geteropolisu. [From Metropolis to Geteropolis]. *Soziologiya vlasti*, [Sociology of power] (2): 5–8.
- Vakhshstayn V.S. (2014b) Peresborka goroda: mezshdu jazikom i prostranstvom. [Rebuilding the city: between language and space]. *Soziologiya vlasti*, [Sociology of power] (2): 9–37.
- Kordonskiy S. (2008) Soslovnaja struktura postsovetskoj Rossii. [The class structure of post-Soviet Russia]. *Mir Rossii*, [World of Russia], (3): 37–40.
- Marx K., Engels F. (1955) Sochineniya. [Works]. V. 3, M.: Politizdat.
- Mannheim K. (1994) *Ideologija i utopija. Diagnos nashego vremeni*. [Ideology and Utopia. The diagnosis of our time]. M.: 7–276.
- Federalniy zakon Rossiyskoy Federazii ot 28 ijunja 2014 g. «O strategicheskom planirovanii v Rossiyskoy Federazii № 172-FZ [Federal Law of the Russian Federation on June 28, 2014 № 172-FL „On the strategic planning of the Russian Federation“]. URL (<http://www.rg.ru/2014/07/03/strategia-dok.html>)

Radaev V.V. (2013) Rossiyskaja soziologija v poiskah svoey identichnosti [Russian sociology in search of his identity]. Soziologicheskie issledovaniya [Sociological studies], (7): 3–17.

Tikhonov A.V. (2010) Otecestvennaja soziologija: problemy vyhoda iz sostojanija prednauki b poisk novyh strategiy [Russian sociology: the problem of out of state prednauki and search for new strategies]. Vestnik Instituta Soziologii [Bulletin of the Institute of Sociology], (1): с. 204–229.